

Звонок на урок уже прозвенел, и все расселись по местам. Лишь парта Ли Чжи по-прежнему пустовала. Спрятав руки под крышку стола и низко склонив голову, Гун Цзе строчила ему сообщение:

«Личжи, уже звонок. Ты почему ещё не вернулся?»

Ответ не приходил. Минуты шли, и Гун Цзе начинала всерьёз нервничать. Она искоса взглянула на Чу Минчжана.

«Неужели он так и не отдал ему воду?»

«Чёрт...»

У Гун Цзе внутри всё похолодело. В голову один за другим полезли самые скверные сценарии. Она повернулась к однокласснику и, понизив голос до шёпота, спросила:

— Где Ли Чжи?

Чу Минчжан, занятый решением задач, даже головы не поднял:

— Без понятия.

— Он же ходил отнести тебе попить! — Гун Цзе была на грани паники. — И где он теперь?

— Угу. Понятия не имею.

Его равнодушный, наплевательский тон разозлил девочку так, что у неё едва пар из ушей не пошёл. Она закатила глаза, оперлась ладонями о парту и решительно поднялась с места:

— Учительница Лю, Шон до сих пор не вернулся и на сообщения не отвечает. Можно мне пойти его поискать?

Урок был самостоятельным, дисциплину в классе держали нестрого. Получив разрешение, Гун Цзе пулей вылетела в коридор. Ждать лифт не хватало терпения, так что она вихрем понеслась вниз по лестнице, намереваясь бежать напрямик к баскетбольной площадке.

Охваченная тревогой, она неслась вперёд, не разбирая дороги. Из-за поворота на широкую аллею внезапно кто-то вышел. Гун Цзе не успела затормозить и со всего маху врезалась в прохожего.

Потирая ушибленное плечо и морщась от резкой боли, она запричитала:

— Ой, извини, пожалуйста... — Она осеклась и округлила глаза: — Личжи!

— Ты почему на сообщения не отвечаешь?! — Гун Цзе подскочила к нему и принялась трясти за плечи. — Где тебя носило? Почему тебя так долго нет на уроке? Ты ведь пошёл отнести попить Чу Минчжану. Он-то давно вернулся, а ты где застрял?

Град вопросов посыпался на Ли Чжи, окончательно сбивая с толку. Он растерянно потёр шею и виновато улыбнулся:

— Прости... Я... ну...

Ли Чжи лихорадочно соображал, какую бы ложь придумать, но Гун Цзе оказалась проницательнее. Заметив его замешательство, она нахмурилась:

— Что-то с тобой не так. Что случилось?

— Со мной? — Ли Чжи замахал руками. На его губах снова появилась улыбка — натянутая, неестественная. — Всё отлично. Правда.

— Пойдём в класс, мне ещё нужно закончить задание, — бросил он и поспешил вперёд.

Он шёл так быстро, словно спасался бегством, и уже через пару секунд оставил Гун Цзе позади. Девочке оставалось лишь смотреть ему в спину. Ли Чжи шёл, низко опустив голову, обнажая тонкую, бледную шею. Отросшие пряди волос то и дело касались выступающего позвонка на затылке. Его плечи были неестественно напряжены и сведены вперёд — вся его фигура буквально кричала о глубоком, едва сдерживаемом одиночестве.

Что именно произошло? Гун Цзе не имела ни малейшего представления.

Она видела лишь одно: Ли Чжи изменился. И сильнее всего переменялось его отношение к Чу Минчжану. В последующие дни это стало очевидно всем.

Ли Чжи больше не бегал за ним тенью. Его пыл угас, остыл, совсем как та банка колы, оставленная на жаре. Если бы его взгляд по-прежнему время от времени не искал в толпе силуэт Чу Минчжана, Гун Цзе и сама бы поверила, что Ли Чжи наконец-то перегорел.

Нынешний Ли Чжи казался чужим. Гун Цзе куда больше нравился прежний — смущённый, растерянный, но такой живой и искренне счастливый. Решив, что её друг просто пал духом после очередной порции холодности, она попыталась его приободрить:

— Да у него характер такой... Ну, ты понимаешь. Высокомерная ледышка. Подкатить к нему с самого начала было гиблым делом. Но если ты действительно хочешь сблизиться... Ну,

подружиться или... — она запнулась на мгновение, но тут же продолжила: —...или кем-то ещё стать, нужно просто набраться наглости и таскаться за ним хвостиком. Он же не вызовет личную охрану, чтобы выставить тебя из школы? Хочешь делать — делай. И плевать, кто там что говорит. Это вообще не важно.

Ли Чжи вымученно улыбнулся. Губы его дрогнули, и эта улыбка больше походила на беззвучный плач.

— Дело не в гордости, — тихо произнёс он. Ли Чжи слишком часто позорился, чтобы сейчас вдруг начать строить из себя недотрогу. — Просто... Мне очень тоскливо.

В конце концов, он просто напридумывал себе лишнего. Решил, глупец, что стал для Чу Минчжана кем-то особенным. Но слова Хань Цзыяо быстро вернули его с небес на землю.

— А ты живучий, так и трёшься возле Чу Минчжана, — процедил тогда Хань Цзыяо. — Я тебя тут уже не в первый раз вижу. Ты что, фанатеешь от него? В шестёрки набиваешься? Или...

Хань Цзыяо прищурился, оценивающе разглядывая долговязую фигуру Ли Чжи — растрёпанные длинные волосы, бледный, тощий, как общипанный цыплёнок. В голове Хань Цзыяо мелькнула догадка, от которой его так передёрнуло, что он брезгливо отшатнулся:

— Блять... Ну и урод. Больной извращенец.

Ли Чжи сжал кулаки так, что побелели костяшки, и процедил сквозь зубы:

— Я тебе ничего плохого не сделал. Если я тебе так противен, просто держись от меня подальше. Ты мне тоже не нравишься.

Хань Цзыяо вскинул брови и презрительно фыркнул, скрестив руки на груди:

— Ха! Ну ты и возомнил о себе. Да ладно, я в курсе, что ты от меня не в восторге... Но знаешь, я хотя бы не веду себя как дешёвка. Не навязываюсь тому, кто меня терпеть не может, как плешивая дворняга. Я просто решил спустить тебя с небес на землю, чтобы ты губу не раскатывал.

Хань Цзыяо лениво потянулся и сделал шаг вперёд, намереваясь пройти мимо.

Как и следовало ожидать, Ли Чжи его окликнул:

— Что это значит?

— Что значит? — Хань Цзыяо с наигранным удивлением обернулся. — Ты по-китайски не понимаешь? Объясняю на пальцах: Чу Минчжан брезгует тобой точно так же.

Хань Цзыяо широко улыбнулся — его лицо так и светилось открытостью и дружелюбием, пока он вонзал нож в спину собеседника:

— Те шмотки... Он их выбросил. Забыл уже? Давай освежу твою память. Те самые шмотки, которые ты притащил ему к порогу в тот день.

Улыбка Хань Цзыяо стала ещё шире, сочась чистым ядом:

— Ты серьёзно поверил, что Чу Минчжан — благодетель? Ну ты и жалкий придурок. Думал, он твой рыцарь на белом коне? Герой, который примчится на помощь? Очнись! Ему просто по приколу портить жизнь Ван Кайсюаню. Чем строить иллюзии, будто он пожалел тебя, сиротку, лучше подумай вот о чём: он сохнет по Гун Цзе, вот и бесится каждый раз, когда к ней лезет Ван Кайсюань. Это же очевидно.

Он сделал шаг ближе к Ли Чжи и прошептал ему прямо на ухо. Тихо, но для Ли Чжи эти слова прозвучали подобно грому:

— Запомни раз и навсегда, ублюдок. Тебя никто никогда не полюбит.

«Как я мог не верить в это?»

«Каждый раз... Снова и снова он спасал меня. Будто всемогущее божество, решал любые проблемы, делал то, на что у меня самого никогда бы не хватило смелости».

Если бы Чу Минчжан швырнул те вещи в урну прямо у него на глазах, Ли Чжи не было бы так больно.

Реальность оказалась слишком жестокой. Ли Чжи чувствовал себя бесконечно глупым и жалким. Но брошенные вскользь слова Хань Цзыяо вдруг открыли ему глаза на то, чего он упорно не замечал.

«...он сохнет по Гун Цзе...»

Правда, какой бы неожиданной она ни была, всегда оказывалась пугающе логичной. Если сложить детали вместе, всё сходилось.

Ли Чжи эгоистично полагал, что Чу Минчжан заступается за него. Но он забыл самое главное: Ван Кайсюань донимал не только его — тот постоянно нападал на Гун Цзе, которая лезла на рожон ради своего друга.

Значит, все эти разы Чу Минчжан спасал вовсе не его. Он защищал Гун Цзе.

А сам Ли Чжи был лишь случайной помехой, которую пришлось отодвинуть в сторону. При этой мысли его захлестнула такая волна стыда, что захотелось сквозь землю провалиться.

Ли Чжи понимал, что питает к Чу Минчжану чувства... о которых не смел признаться даже самому себе. Он и не надеялся на взаимность, не мечтал когда-нибудь оказаться с ним рядом. Ему было бы достаточно малого: чтобы Чу Минчжан его не презирал, иногда замечал его присутствие и снисходил до пары слов.

Но больнее всего было не от того, что Чу Минчжан влюблён в кого-то другого. По-настоящему Ли Чжи ранило осознание: тот, возможно, испытывает к нему точно такое же безразличное отношение, как и все остальные.

Теперь Ли Чжи просто не посмеет больше попадаться ему на глаза.

Он сам не понимал, как прожил оставшиеся полтора месяца до конца семестра. Дни тянулись серой неразличимой чередой. Ли Чжи существовал как в тумане, словно бездушный манекен, и опомнился только тогда, когда пришла пора собирать чемоданы и возвращаться домой.

Порог дома семьи Чжоу он переступал с замиранием сердца. На то было две веские причины.

Во-первых, табель с оценками за полугодие выглядел, мягко говоря, удручающе.

Во-вторых, существовала пятидесятипроцентная вероятность, что Ван Сяочунь сегодня окажется дома.

У Ли Чжи от страха взмокли ладони. Он до ужаса боялся, что едва откроет дверь, как ему в лицо полетит тяжёлая туфля на шпильке...

Но ничего не произошло.

— Молодой господин.

Ли Чжи вскинул голову и увидел дворецкого Чжана. Он тихо кивнул:

— Дядя Чжан.

— Вы не поехали в аэропорт? — удивлённо спросил тот.

Ли Чжи растерялся:

— В аэропорт? Зачем?

— На рейс из Города S до Санкт-Морица, — пояснил дворецкий. — Год нечётный, через неделю начинается чемпионат мира по горнолыжному спорту. Должно быть, господин Чжоу закрутился и забыл... Подождите минуту, я сейчас же позвоню и всё выясню. Если самолёт ещё не взлетел, я отправлю вас в аэропорт на машине.

Чжоу Госюн ворочал миллионами. В командировки он иногда летал обычными рейсами, но на отдых семья всегда отправлялась исключительно на частном самолёте.

Дворецкий уже потянулся за телефоном, но Ли Чжи осторожно перехватил его руку и покачал головой:

— Не нужно, дядя Чжан.

Голос Ли Чжи прозвучал едва слышно. На его лице появилась грустная, вымученная улыбка — в последнее время он привык улыбаться по любому поводу, ведь это был лучший способ спрятать неловкость и боль.

— Я всё равно не умею кататься. Даже если полечу... только мешаться буду, ничего в этом не понимаю. Не стоит. Пусть папа с мамой и брат хорошо отдохнут.

Им прекрасно дышалось и без него.

Ли Чжи всегда был лишним.

Рухнув на кровать, он закинул руку на лицо, закрывая глаза. В памяти всплыли воспоминания о прошлом зимнем зачёте. Тогда он провалил экзамены, и Ван Сяочунь устроила ему настоящий ад. Избила так, что кровь хлестала из носа рекой, а от боли и унижения хотелось шагнуть в окно. На следующее же утро его разбудили в шесть часов и заставили без перерыва решать тесты.

В этом году кошмар не повторится. Но почему же на душе так же паршиво, как тогда?

Хотя он крепко зажмурился, горячие слёзы всё равно прокладывали дорожки по вискам, впитываясь в простыню.

«Зачем ты плачешь, Ли Чжи?»

В тишине пустой комнаты явственно прозвучал ядовитый голос Хань Цзыяо:

«Тебя никто никогда не полюбит».

Ведь он сам, Ли Чжи, — точно такой же ненужный мусор, как те старые шмотки. Вещь, которую можно выбросить и забыть.

<http://bllate.org/book/20441/2131892>